II 1315

(84 / 771)

МУЗЕЙ Г.М.Я.А.
Кн 11524
Июль 1934 г.

С угнетенными против угнетателей—всегда.

ЕЛИСАВЕТГРАДСКИЙ НАБАТ

орган Елисаветградской Федерации Анархистских групп „Набат“.

Выходит еженедельно.

Коллекция Ккл. Федосеева-Грызунова

Всесоюзная Библиотека имени Ленина Спецхр.

41-1315

Адрес редакции и Бюро Федерации: Дворцовая ул дом „Набат“ (бывш. Чиченина). Редакция открыта ежедневно от 4 до 6 ч. вечера. В эти же часы принимается литературный материал. Бюро федерации открыто с 10—6 час. вечера. За всякими справками обращаться к секретарю Федерации.

Редакционная коллегия убедительно просит доставлять рукописи четко переписанными на одной стороне листа по новому правописанию. В противном случае, рукописи будут задерживаться печатанием. в виду невозможности успевать переписывать их. Материал, поступивший в редакцию позже вторника, в ближайшем номере помещен быть не может.

№ 6. Воскресенье 6 Апреля 1919 г. Цѣна 50 коп.

Елисаветградская федерация приветствует 1-й с'езд Конфедерации „Набат!“

Развязка близка.

— В Одессе расстреливают рабочих на право и на лево,—гласит телеграмма из Одессы.

— Рабочих вешают на каждых воротах и телеграфных столбах, привешивая к ногам записки: „так поступают с приверженцами большевизма“, добавляет она.

— Советские войска приближаются к Одессе, мы узнаем еще из одной телеграммы.

Настроение в Одессе напряженное. Атмосфера заряжена негодованием. Одесса теперь является значительным оазисом контр-революции. Все клерикальные, контр-революционные силы и элементы сконцентрировались в одином пункте, в Одессе.

Контр-революция совершает там свой кровавый пир, вакханалия ея идет во всю. Она, вытесненная почти со всей територии, как России, так и Украины, выливает свой гнѣв, свою ненависть, свою кровавую месть на голову рабочих, которые находятся в том оазисе контр-революции.

Белогвардейцы и цветные иностранные войска безобразничают во всю; их своеволию и безобразию нет грани.

Абсолютно нет никакой возможности описать тот ужас, тот кошмар который там царит. Обливаясь кровью стонут рабочие массы, на которых с зловещей силой эта вакханалия обрушилась.

Им в большей мере, чем среднебуржуазной обывательщине, которая также терпит от этого насилья, приходится переносить эту тяжесть.

Каждо - дневно расстреливаются сотни революционеров. Сотни лучших сынов народа истребляются беспощадно.

Беспощадно преследуется „большевистское“ проявление во всех его видах, разумеется, как революционное, повстанческое движение.

Враг свирепствует...

Но если мы даже только поверхностно, но трезво всмотримся во все эти факты, мы увидим, что развязка близка... Близок и близок момент, когда враг будет раздавлен: народ восстанет...

Ясно видно, что это только предсмертная агония умирающего врага. Их свирепствование есть только конвульсивные движения.

Они стараются эти разношерстные враги всех видов контр-революции в последний раз выпустить свой смертельный яд, еще раз ужалить изболевшее тело рабочих масс революции,

Еще глубже вглядимся в основное положение в Одессе, в этом определенном оазисе контр-революции и мы увидим, что под ногами у них нет никакой почвы: разложение в союзной армии—факт; неопределенная политика „кабинетов“ победительских стран; негодование и возмущение в гуще рабочих масс—дает нам ясное представление о том положении царящему там.

Рабочие и крестьянские массы организуясь в повстанческие отряды располагаются вокруг этого контр-революционного оазиса. Телеграмма извещает нас: «партизанский отряд занявший Очаков, состоял из 300—400 человек».

Небольшое количество самоотверженных революционеров, было в состоянии выбить врага из Очакова.

Это ясно нам доказывает, что повстанческое, революционное брожение в рабочих и крестьянских кругах, подавляемое усилиями контр-революции немедленно выливается наружу, как только чувствуют за собой какую нибудь опору или поддержку.

Такую опору и поддержку мы замечаем во всех вышеуказанных проявлениях как разложение в союзной армии, ея предсмертные усилия и т.д.

Развязка близка!

Рейн.

Мещане или шуллера.

Есть у обывателя одна—очень типичная—черточка: судить обо всем на свете, независимо от степени своей осведомленности о предмете суждения.

Обыватель судит, рядит, рассуждает, осуждает, осведомляет—нисколько не задумываясь о том, обоснованы ли его суждения, верны ли его сведения, справедливы ли его обвинения...

Он беспечен и болтлив, счастливый обыватель!..

Он несколько скучает и очень рад лишнему развлечению...

Он слегка мистичен и немного труслив: таинственные слухи дают пищу его воображению и приятно щекочут его нервы.

Он не отвечает за свои суждения, ибо он—обыватель—всегда анонимен...

Казалось бы, люди, считающие себя революционерами и коммунистами, не должны подражать болтливому судье—обывателю.

Казалось бы, люди, считающие себя членами правительственной партии и обязанные отвечать за свои суждения, должны внимательно относиться к вещам и не позволять себе суждений легкомысленных, основанных на полном незнании дѣла...

Казалось бы!..

Загляните в коммунистические газеты последнего времени. Чего только не имеется там об анархизме и об анархистах?!..

И передовицы, и фельетоны, и „просто статьи“ переполнены самыми нелепыми сплетнями, самыми низкими оговорами, самыми гнусными клеветами...

Как только не ругают нас „коммунисты!“ Какой только грязью не обливают они нас в своей печати—особенно в столичной!..

Нам приходится обратиться вкупе и к мещанам-обывателям, и к мещанам-„коммунистам“ с азбучным предложением:

Господа мещане! Когда вы беретесь судить о чем бы то ни было,—то ознакомьтесь же предварительно, хотя бы слегка, с предметом вашего суждения. Для того, чтобы *судить* об анархизме, надо, прежде всего, *знать* его. Надо...

За моим плечом стоит товарищ и ехидно ухмыляется.

— Ты помнишь Керенского?—спрашивает он:—кем был он, по твоему?

— До февраля 1917 г.—порядочным человѣком, хотя и мещанином по существу. Ну, а после февраля—Керенский стал по-просту политическим шуллером...

— Ведь знал же он, кто такие —*большевики?* Знали это и другие „социалисты-революционеры“ того времени, не правда ли?..

— Конечно...

— И клеветали, и обливали грязью, и ругали, и преследовали... Не потому, конечно, что *не знали* и судили по-мещански, а именно потому, что перестали быть революционерами и стали—политиче-

скими шуллерами... Так и теперь товарищ: обращаясь к разуму тех мещан из обывателей, которые помещански относятся к жизни, к революции, к анархизму, ко всему на свете—призывайте их вдумчиво и серьезно относиться к жизненным явлениям... Но, не будь же наивен. Оставь в покое политических шуллеров, изменивших революции и прекрасно знающих кто мы такие и за что надо гнать нас...

Товарищ совершенно прав. Я кладу перо.

В. Э.

К с'езду профессиональных союзов.

Мы сейчас находимся накануне реорганизации, пересоздания рабочих союзов.

В ближайшее время состоится целый ряд с'ездов и конференций многих профессиональных союзов различных отраслей производств. Затем должен состояться всеукраинский с'езд всех профессиональных союзов.

Разумеется, при том положении, в котором теперь находится Украина, такой с'езд необходим.

Украина, недавно сбросившая (даже еще не на всей територии ея) с себя временный гнет Гетманщины и Петлюры, что в огромной степени отразилось на и без того разрушенную в хозяйственном отношении страны, нуждается в налаженни этого вопроса.

Разрешить этот вопрос, вопрос об улажении хозяйственной жизни страны, экономического положения, транспорта, продовольственных и производственных отраслей должен будет непременно с'езд профессиональных рабочих производительных союзов, тех органов которые не только, что неразрывно связаны со всеми вышеуказанными положениями, но, еще больше, эти органы являются доминирующими из составных элементов последних.

Рабочие организации на своем с'езде должны будут наметить себе определенный план деятельности: разрешение всех вышеуказанных вопросов, поднятие производительности труда, развития промышленности, и вопрос об обезпечении в известной степени положения самих членов этих союзов.

Но, надо принять во внимание, что рабочие союзы Украины в самой основе своей организации, своего сконструирования, благодаря капиталистическому строю, в котором они существовали, не подготовлены для этого дела.

Их функции и деятельность в рамках капиталистического строя, сводились к тому, что они исключительно служили прикащиками, обслуживавшими и снабжавшими покупателей—буржуа товаром—рабочими.

Нет сомнения, что для выполнения этого, они не должны были заниматься такими вопросами, как регулировкой наличия товаров, сырья, приспособления, развития или поднятия производства, сношения с другими отраслями производства и т. д.

Следовательно, если теперь на их долю выпало разрешение всех вышеупомянутых вопросов (и помимо этих организаций никто абсолютно не в состоянии этого сделать), они должны переменить основное положение своих организаций, свою тактику, свои принципы, свою деятельность. В общем, реарганизовать их, пересоздать, дабы приспособиться к разрешению вышеуказанного.

На таком заключении, сравнительно, сходятся все—само-собой разумеется—рабочие, члены профессиональных организаций и даже нежелательные наросты, на здоровом живом теле рабочего движения — политические партии всех типов (большевики, меньшевики, правые, левые с.-р.)

Все сходятся на том, что рабочие организации не могут более оставаться в той форме, в которой они были до сих пор. Но какими-же им быть, как и каким образом их пересоздать—тут разногласия появляются.

Меньшевики, правоверные, последовательные ортодоксы—марксисты всюду и везде почти во всех городах Украины ведут усиленную подготовку для с'езда.

Вот какими они хотят создать новые рабочие организации.

Новые рабочие организации—говорят они—не должны утерять ни одной черточки своего старого образца. Отстаивая независимость профессиональных организаций, они в то же время навязывают им безжизненность, бездеятельноть и торгашеско-опортюнистическую политику. Опять жалкое влачение своего существа, опять посредство между покупателем и продавцом труда, опять старое торгашество, нищенствование. И такую форму организации они нам предлагают, в то время, когда великая революция в России, вспыхнувшая уже свыше двух лет, все развивается и развивается, когда революционное брожение почти во всех странах мира все ярче стало выявляться, когда революционная волна далеко забежала вперед, когда пролетариат всего мира, об'явив безпощадную войну устаревшему капитализму, полу-сгнившей буржуазной демократии, всему устаревшему, что смертельно вредит освободительному, рабочему движению; когда трудящиеся открыто заявляют, что только они сами и никто другой являются хозяевами своего положения и они сами будут строить свою новую жизнь.

Для поднятия промышленности, производительности труда, эти „умные друзья“ народа предлагают пригласить частный капитал. Это значит, они предлагают рабочим, столько усилия и жертв потратившим для того, что-бы прогнать толсто-пузого буржуа из фабрики, завода или мастерской, вновь пригласить его, что-бы он—по мнению меньшевиков—благодетельно пожелал пожалеть „несчастненьких“ рабочих в их беде: поднять производительность труда и т. д., т. е. снова отдаться в кабаллу на веки вечные капиталистам.

Почтительно поклонившись, они просят: „желанный, ненаглядный буржуа, приди еще немного кровь сосать с „неразумных“ рабочих“!..

Разумеется, на такую нелепость рабочие не пойдут. Не такие союзы рабочим теперь нужны, и кажется, для этого их перестраивать не нужно.

Вас-же „мнимые“ друзья, революционная волна сметет с лица земли вместе с тем ненавистным капитализмом, в котором вы вцепились руками и ногами!..

Большевики, представители правительствующей партии, „сильные мира сего“, с должною правителям важностью „предписывают“ рабочим организациям немедленно „огосударствляться“. Это значит, они „предписывают“ рабочим массам немедленно пересоздать свои рабочие классовые организации в государственные органы власти.

Здесь нам необходимо разобраться, что такое огосударствление рабочих организаций, его свойства, цели и, главное, каков результат такого явления для самих рабочих.

Посмотрим:

— Все лозунги большевиков (октябрьских) остались где-то далеко.

Чаянья рабочих о скором раскрепощении, чаяньями остались. Ничего из обещаннаго в жизни не было приведено. Взамен обещанного освобождения от цепей капитала, —проводится национализация крупного производства.

О среднем и мелком производстве Ленин говорит, что его не приходится экспроприировать (как видно, это во вред (?) рабочих).

Таким образом, капиталистическая система осталась целой и невредимой: мелкая и средняя буржуазия на своем месте, а взамен акционерных обществ или трестов появился зловещий предприниматель, буржуа-эксплуататор—государство, правда, „рабоче-крестьянское“.

Неприходится говорить, что здесь было-б неуместным критиковать большевиков в том, что они не выполнили все свои обещания рабочим, или в тех или иных ошибках совершенных ими—хотя, их уйма—ибо, главное, в чем мы можем их критиковать или обвинять это то, что *большевики, как революционеры* (в свое время) не должны были пойти по тому пути по которому они пошли.

Они, будучи революционерами не должны были взять власть в свои руки, ибо этим самым они являются виновниками уже всех последствий, но в данное время не критика действий большевиков является нашей задачей. Рабочие организации в огосударствленной форме пригодны-ли в настоящий момент что нибудь сделать?—Вот предмет нашего внимания.

Принимая во внимание все вышеуказанное, т. е., что большевики ничего из обещанного не выполнили и т. д., они „предписывают“ рабочим организациям огосударствляться. Т. е., в то время когда власть, государство как таковое, является категорическими противниками освободительного рабочего движения, когда государство в тоже самое время является и эксплоататором тех-же рабочих, когда власть, по недоразумению называющаяся рабоче-крестьянской, признает желательным существование мелкой и средней буржуазии, эта же самая власть предлагает рабочим организациям, единственным об'единяющим органам рабочих превратится в органы, слепо и всецело поддерживающие эту „власть с красивым названьем“.

Интересно только то, как у этих „вчерашних революционеров“ так быстро разум отшиб, что-б такой логический абсурд предлагать рабочим.

Будет не только преступным губительным, но нелепым и смешным, если рабочие организации на такой шаг пойдут.

Такой шаг будет равносилен тяму, чтобы себе самому пролетариат накинул петлю на шею, или себе самому пропасть устроил.

Ясно.

Капиталистической строй еще ничуть не изменился в своих основах: положение пролетариата осталось тем же.

Если рабочие союзы во времена царизма или при наличии буржуазно-демократической республики имеют известную возможность самозащиты от всесильной руки капиталиста, то теперь, при том-же положении, рабочие союзы этой возможности лишаются, утеряв независимость своих организаций, способы борьбы: стачки, забастовки и т. д.

Короче, все недовольство и неудовлетворенность рабочих масс большевики стараются заглушить тем способом, что они их превратив в сподвижников „своей“ власти, лишают их возможности сопротивления и противодействия царящему порядку.

Не приходится доказывать, что ни какие преграды не могут народного возмущения и сопротивления хотя на чуточку приостановить.

И еще больше, рабочие организации лишаются личной инициативы, самодеятельности, способа размышления и сопротивления.

Само собой разумеется, что таким организациям не справиться с теми задачами, которые были указаны в начале этой статьи. Такая форма организации не только, что своей существенностью ни чуть не отличаются от формы организации, предлагаемой меньшевиками, но в некоторых случаях еще ей уступает.

И первая, и вторая ведут рабочия организиции не к той цели, которой им надлежит итти.

Теперь рассмотрим какими в действительности должны быть рабочие организации.

Уж само название этой организации говорит за то, что рабочие союзы должны быть независимыми, ибо в противном случае, они не будут способствовать освободительному рабочему движению.

Будучи организациями рабочих, они должны отражать волю и настроение тех рабочих из которых эти организация состоят. Поэтому рабочие союзы должны быть революционны по своему настроению, экономическими по своему виду и независимыми по своей форме.

Целью этих союзов, помимо повседневного улучшения своего быта, должно быть полное раскрепощение пролетариата.

Полное раскрепощение, безусловно, подразумевается экономическое.

И вот, каждый рабочий союз, сообразно своей отрасли производства, должен, во первых: перенять захватить данное производство в непосредственн свои руки приучаясь, получая известный навык и опыт в этом отношении. Задачей союза должно быть налаживание и развитие той отрасли производства с которой он соприкасается.

Еще одной очень важной работой каждого рабочего союза должно быть принятие известных мер к дальнейшей организации трудовых масс.

Ибо чем больше таких организаций, тем сила рабочего движения сплоченней и сильней.

На с'езде, который должен состояться в ближайшие дни должны разбираться указанные вопросы.

Если с'езд сознает, что в действительности продовольственная, промышленная, транспортная разруха отзывается как на положение отдельных рабочих, так и в общем

на известный ход революции, на известное начинание в строительстве новой жизни, то с'езд должен будет правильно направить ход своей работы, именно, на этот путь.

С'езд должен будет, преодолев все препятствия, абсолютно не прислушиваясь к истеричным выкрикам и агитации тех или иных сознательных или несознательных врагов народного освобождения, избрать единственно правильную форму рабочих организаций и единственно нужную, важную и необходимую работу.

—дка.

* * *

Труден путь
И далек.
Но светло горит восток.

Тьма и холод,
Но просвет
В светлой радости одет.

Огонь победный
Я зажег!
Затрубил в победный рог...

Как мизерны
Все враги,
Как ничтожны и гадки...

Звезды мигают,
Блестят;
Тени бешено бежат...

Труден путь
И далек,
Но светло горит восток...

Ян.

Параллели.

(Маленький фельетон).

Иван купил у Степана сапоги. Через неделю сапоги *развалились: оказались* наполовину из картона, наполовину из гнилой кожи. Все односельчане хором ругали сапожника Степана. По заявлению Ивана, пристав Держиморда произвел у Степана обыск, нашел гнилой товар, дал Степану пару раз по зубам и посадил его в тюрьму.

И Держиморды и Иваны были удовлетворены: Степан надул Ивана, Степан мошенник,—и Степан сидит в тюрьме.

Богиня правосудия, Фемида, грустно вздыхала, жалея бедного Степана, с молоком матери всосавшего в себя буржуазный завет: «не обманешь—не продашь!»

* * *

Демьян купил у Янкеля бутыль подсолнечного масла. Масло оказалось прогорклым. И все единодушно ругали не только Янкеля, но всех жидов. А член организации Двуглавого Орла подрядчик Казнокрадов, воспользовавшись раздражением народа, успешно вел погромную агитацию. Пристав Держиморда выдал босякам десяток казенных револьверов и под защитою казаков, невежественные и пьяные хулиганы устроили кровавый еврейский погром.

И, хотя, никто не понимал, за что убиты жестянщик Герш с женой и грудным ребенком и ряд других тружеников из еврейской бедноты, когда смошенничал один лишь Янкель,—и Держиморды и Демьяны, напившись крови, старались казаться гордыми победителями и пили водку, чтобы потопить в ней чувство жгучего стыда, охватывавшее их при воспоминании о совершеном ими черном деле.

Богиня правосудия, Фемида, рыдала навзрыд, сожалея темных громил, с именем Христа на устах попиравших заповеди Христовы, главнейшая из коих гласит: «возлюби ближнего, как самого себя!»

* * *

Калужский Емельян вез голодающей семье пуд хлеба. Всесильный комиссар весь этот хлеб у него отобрал. Возмущенный голодный Емельян подстрелил комиссара. Сонм комиссаров признал выстрел за белый террор и контр революцию. И моментально защелкали затворы: расстреляны были два попа и два бандита, десяток офицеров, пол дюжины купцов, три кулака, десяток взбунтовавшихся рабочих и крестьян, два инженера, три врача.

Все понимали дикую нелепость массовых расстрелов за грех Емельяна, восставшего против властей на свой собственный страх и риск. Но опьяненные полученной неограниченной властью вчерашние рабы, еще вчера с пеной у рта кричавшие о том, что смертная казнь не приносит желанных результатов,—писали грозные декреты о красном терроре и не жалели патронов для истребления всего, что не пахнет большевистским.

Богиня правосудия Фемида, в грозном гневе своем, занесла карающую руку над головами тех, кто оказался горше пьяных хулиганов: погромщики не знали, что творят, а в совнаркомах ведь сидят вчерашние поборники свободы, равенства и братства.

Ильич.

Коллекция Ил. Федосеева Грызунова

У батьки Махно.

Впечатление, что мы попали в какой то новый край, в среду людей с какой то другой психологией и иным миросозерцанием не рассеивалось.

И люди здесь не совсем обычные. Вместо спокойных, рассудительных, чуждых увлечения, сдерживающих свой порыв, лишенных всякого преклонения перед личностью красноармейцев—здесь мы столкнулись с людьми порыва и запальчивости, страстно (не рассудочно) ненавидящих своего врага готовых чуть, чуть не молиться за своего „батьку“.

Они вошли к нам в вагон, их было 5—6 человек. Все стройные, молодые парни; одеты как попало, очевидно, обмундирование получили не из казенных складов.

На одном шинель казенного образца, на другом барашковый полушубок, на третьем лисья шуба.

Под стать и вооружение. Разносистемные револьверы. На некоторых прекрасные офицерские шашки, у иных огромные стальные (собственного изобретения тесаки в руках.

Они вошли недоверчиво озираясь и поглядывая на нас с оттенком копошившегося где то в глубине души недоверия и недружелюбия.

Они были безупречны в разговоре. На все вопросы давали по возможности точные и, повидимому, добросовестные ответы. Выражали сожаление по поводу отсутствия в их частях строгого учета, канцелярии. Признавали необходимость улучшения организации, упорядочения дела снабжения.

Но их чувство, их природа плохо мирилась с этими новыми методами борьбы, которые внедряли эти новые мало понятные им пришельцы.

Здоровым мужицким инстинктом они чуяли необходимость дисциплины и организации, но распоясанная и разгулявшаяся повстанческая натура протестовала против попыток заковать ее в строгие, постоянные рамки.

Чувствуя всю мощь надвигающейся и поглощающей их организационной силы, они сдерживая протестующий порыв смирялись и подставляли непокорную голову под уздечку. Но чувствовалось внутри скрытое клокотание, чувствовалось инстинктивное, бессознательное упорство и несочувствие новым формам.

Но сознание своей слабости, чувство преклонения перед необ'ятной нахлынувшей с севера силой все побеждало и скрепя сердце смирялась норовистая стихия.

— Среди вас, товарищи, очень много хороших, и добросовестных революционеров, но, сами понимаете, этого недостаточно, необходима организация, учет, общая спайка, говорим мы.

— Мы это, товарищи, сами понимаем. Мы боремся с бандитизмом. Нещадно расстреливаем несознательные элементы. А канцелярию завести необходимо, это мы понимаем.

Другой из них говорит:

— У нас „батько“ пощады не знает к бандитам. Недавно своего друга, еще товарища по каторге, расстрелял. Увидел на нем похищенную шубу, бриллианты, вынул револьвер из за пояса и на месте пристрелил. Тот упал замертво. А батька тут револьвер выронил, да и сам в слезы, а руки трясутся.

И у всех наших собеседников при воспоминании об этом на глазах блеснули слезы, а лица приняли растроганное выражение.

Помолчали.

— Вы говорите, у нас бандитов много, вы посмотрите, что у добровольцев делается. Жителей до чиста обирают. Всю одежду отнимут, последнюю курку зарежут, а на последок женщин всех изнасилуют. У нас этого не водится...

Снова пауза.

— А, затем, вот что, товарищи, снова заговорил тов. Петренко, пора отвыкнуть от мысли, что вы защищаете только свои хаты. В случае надобности вас могут перекинуть на другой участок, даже, быть может на другой фронт.

— А скажите, спросил один из них. Вот мы во время прошлого наступления броневик захватили у кадетов. А вы у нас отобрали его. Мы хотели просить, чтобы он всегда при нас оставался.

Это, товарищи, нельзя. Когда понадобится по ходу военных действий вам пришлют броневик на помощь. Но вообще, броневики выделены в особые отряды.

— Так.. ничего, значит, не поделаешь.

В таком духе, порой гладко, порой, словно наталкиваясь на скрытое препятствие, продолжалась беседа.

Но временами прорывалось скрытое недовольство.

Зашла речь о самом щекотливом вопросе—замещении командных должностей.

В глазах наших собеседников сверкнул огонек, они переглянулись и как будто заскрипели зубами...

С усилием, стараясь быть сдержанными они стали доказывать, что назначение сверху будет дурно истолковано массой.

Тов. Петренко в мягкой тактичной форме стал об'яснять им преимущества назначения над выборностью.

— Вед вы сами понимаете, например, товарищи, что с грабежами, самочинными обысками необходимо бороться. Вы знаете, что в рядах ваших есть темные, несознательные элементы. Теперь представьте, что командир полка энергично обуздывает всех, удерживает людей от самоуправства. Темные элементы могут скинуть его и выбрать более податливого. А это повредит общему делу.

Много еще говорил на эту тему тов. Петренко. Мы добавляли свои соображения в том же духе.

„Они“ пытались возразить. Затем, видя, что нас не переубедишь, переглянулись и замолчали. На их лицах было написано: „Э, говорите себе, где вам понять нас“.

Они красноречиво молчали, сумрачно посматривая на дула своих винтовок.

В их душе, повидимому, боролись два мотива. Один на тему „против рожима не пойдешь“, а другой—„принесла же вас нелегкая“.

Наконец они встали и раскланялись. На хороших, экзальтированных лицах появилось облако грусти.

— Ну, прощайте, спокойной ночи.

Они ушли.

Мы переглянулись.

— Хорошие ребята!—сказал кто-то.

— Да, хорошие,—добавили другие.

И замолчали. Да и было ли что добавить.

Утром я отправился бродить по станции. Встретив несколько вчерашних гостей, я принялся расспрашивать их о личности легендарного батьки.

Коллекция Ил. Федосеева Грызунова

— Он сам родом из Гуляй Поля сын крестьянина, отбывал каторгу.

В прошлом году [illegible] в Москве. Здесь еще с сентября при австрийцах появился и поднял восстание.

— А храбрый какой—добавляет другой! Всегда в первых рядах дерется. Недавно сам белогвардейца нагнал. Схватился с ним и взял в плен.

Услышав, что разговор идет о „батьке“ подбегают другие и, захлебываясь, наперебой, принимаются делиться впечатлениями.

— Батька за бедноту горой, он всякого бедняка обласкает и накормит, последнее отдаст..

Если б не батько, не выгнали бы отсюда добровольцев и т. д. в таком же духе.

Понятно, этому то терпению, с каким мы ожидала приезда „батьки“ в Пологи.

Штаб батьки Махно в полном соответствии с общим романтическим стилем всей обстановки помещался тогда в местечке, носившем романтическое название Гуляй-Поле.

Побывать в Гуляй-Поле нам не пришлось. Около 10 ч. утра на ст. Пологи прибыл поезд с батькой Махно.

Я увидел небольшого роста человека с веснушчатым лицом, на котором лежал отпечаток лишений и мытарств. Глаза были слегка прищурены и как будто иронический огонек прорывался сквозь них. На лице играла мягкая истинно отеческая улыка.

Мы обменялись приветствиями.

Тов. Петренко. отойдя с Махно в сторону говорил с ним, и затем выяснилось, что сейчас будет совещание в помещение штаба, а затем все вместе поедем вплотную к фронту на ст. Милерово, находящуюся уже в сфере артиллерийского и пулеметного огня.

После этого все разошлись.

Выйдя побродить по полотну, я натолкнулся на любопытное зрелище.

Около товарного вагона, сомкнувшись тесным кругом, стояло тоже человек с 50. Здесь были люди всевозможного пола и возраста. С умиленным выражением на лице, заложив руки в карманы, стояли солдаты, бабы в немом благоговении устремляли глаза сквозь толпу, там и сям сновали маленькие детишки продираясь сквозь ряды, забирались на площадки вагонов, чтобы лучше разглядеть.

Посредине этого круга стоял сам об'ект внимания—батько Махно.

Он говорил с какой-то женщиной. Она изливала ему свое горе по поводу смерти двух сыновей, сражавшихся в партизанских отрядах.

— Ну, ничего, ничего, не плачь, успокаивал батько, похлопывая ее по плечу. За дело погибли, за народ.. Мы им отплатили, сукиным детям кадетам..

— Единственные мои кормильцы были—причитала баба, кто теперь меня поить-кормить будет!..

Махно вытащил из кармана несколько кредиток я не разобрал—какого достоинства, и всунул их бабе.

— Ну, вот тебе на первое время, а потом зайди—и о тебе позаботятся.

— Вас чего здесь так много собралось?—полушутя, полусердито обратился он к собравшимся. На лице его играла обычная мягкая улыбка.

— Да пришли папашу посмотреть. Уж больно много про тебя слышать приходилось—застенчиво ответил какой-то служивый, повидимому вернувшийся из плена.

Улыбка сбежала с лица батьки, он нахмурился и просто заметил:

— Нечего теперь любоваться. Вот когда будет наступление, идем с нами в бой тогда посмотрите.

— Пойдем, все пойдем—заговорили все хором.

За батька в огонь и в воду...

Мы вошли в вагон. Тов. Петренко с остальными был уже там.

— Ну что же, папаша, можно ехать, улыбаясь спросил Петренко.

— Что ж, едем, улыбаясь в тон отвечал батько.

Поезд тронулся.

Махно принялся вспоминать «дела минувших дней».

Говорил он безыскуственно, совершенно чуждый малейшей тени рисовки. Перед нашими глазами прошла яркая картина скитаний его отрядов с половины сентября вплоть до нашего прихода. Он рассказывал о стычках с австрийцами, немцами, о взятии Екатеринослава о боях с петлюровцами.

Об Екатеринославе и Махно и его приверженцы говорят с особенным озлоблением.

— Начали входить,—а в нас из окон стрельба началась. Тут батько отдал приказ из орудий стрельбу по городу открыть, потрепали город, да жалко мало... рассказывает один из „свиты“.

— Да поработали в свое время, вздохнул Махно. Вот еще славно работали с Колосовым в Павлограде...

Он снова углубился в воспоминания.

— Да, было дело... Ну, а вот теперь услышали мы, что у вас что-то там с Колосовым вышло, говорят арестовали вы его.

Он произнес это слово с деланным равнодушием, но в голосе его звучало плохо скрываемое раздражение.

Петренко об'яснил ему причины ареста Колосова. Махно слушал почти без внимания, как будто желая сказать: „да, можете не об'яснять, я и без вас понимаю почему, не вашего он поля ягодка“.

— Да, ну а все-таки у нас этим недовольны—процедил он.

В его голосе звучала нервность. Было ли это сознание трудности при-

мирить противоречия между буйной повстанческой стихией и железной, сухой, организованной силой Красной Армии, стало ли ему ясно, что выбора у него нет, что как бы ни претило его натуре, привыкшей к размаху и бесшабашности, подчинение каким-то новым пришельцам, которых ждали с таким нетерпением и которые оказались совсем не теми, какими их рисовало воображение в дни тяжелой борьбы в кольце вражеских шаек.

Помощь с севера пришла, но от нее дышит не размахом и удалью, не буйным порывом широкой души, но силой, строгостью, сдержанностью порыва, внешней сухостью, рассчитанностью и простой деловитостью. Вместо буйной личной отваги, вместо порыва отдельной личности явилась душа коллектива огромного, неизмеримого колосса, в котором маленькой, едва заметной крупицей тонет личная удаль, личный порыв и самоотвержение.

Через некоторое время мы распрощались с Махно и его приближенными и уехали обратно.

Выбора нет. Жизнь властно диктует необходимость подчинения. Рассудок, в котором нет недостатка у видавшего виды Махно, вынес свой приговор—подчиниться вполне и до конца. Но сердце плачет и не хочет расстаться, хотя холодный рассудок уже вынес свой приговор.

Все смолкли...

На ст. Пологи я, как-то встретился с моим товарищем, журналистом из „Правды“.

— Удивительно как тов. Махно избегает популярности—сказал мне мой товарищ. Я специально из за него приехал в Гуляй-Поле, пробыл там больше 4 дней и вот лишь сегодня мне представился случай говорить с ним.

От редакции. Настоящее письмо было помещено в газете „Борец за коммунизм“, написанное, как видно, большевиком. Мы помещаем его в немного сжатом виде.

Наше мнение о Махно и о махновщине сводится вот к чему: Это движение есть народно-повстанческое революционное движение, цель которого отметить за гетманское и петлюровское насилие, всем врагам в виде Краснова белогвардейцев, антанты и др.

Много повстанцев называются анархистами потому—лишь, что сам Махно старый анархист.

В общем, махновское движение нужно рассматривать не как анархическое, а как чисто народно-повстанческое, бурное, стихийное и вольное.

Быль.

(Сказка).

Побранился царь северный с царем западным чужеземным. Разно сказывали люди старыя да бывалыя про их ссорушку непонятную, про их брань неуиятную. Разные слухи про ссорушку эту носились; разные толки про брань эту водились. Погнали слуги царя северного парней из деревень, молодцов из городов супротив войск вражеских, пушек страшных, машин адских, чертями притащенных.

Шли с песнями невеселыми солдаты на войну. Шли без разсуждений, без думы, без мысли и желаний... Шли на смерть, на увечье... Без малого, ровно четыре года та война продолжалась.

Забунтовал народ в царстве северном, захотел свободы, жизни лучшей. Как подумал народ, для чего война, кому она пользу приносит, что за несчастья дает она народу трудовому, так и закричали все разом:

— Не надо царя нам, не надо войны нам; и без царя проживем, и на войну не пойдем... Распронюхали болтуны—брехуны про разговоры вольные, про желания крепкие про требования народные, и сказали, стукнув по лбам хитрым—лживым своим:

— Эге нам наруку.

— Народ обманем, сами у власти станем, приказы писать будем, народу же оставим из трех пальцев штуку..

И сказали люди мудрые—хитрые люду простому, что, правда, царь не нужен, можно и без него прожить, но без республики никак нельзя. Правительство такое то выберите, а солдат с фронта отзывать на... ни!

Почесал люд трудовой затылок...

— Да чем же отличается новая республика от старой царевой власти—самовольной?

Не нужна нам такая республика!

Пронюхали люди новые про думу народную, да запели песню красивую, хитро сплетая обещания лживые, миражно-туманные...

Прислушался люд трудовой:

— Правду говорят люди добрые, да расписывают еще лучше.

И устроили царство «желанное» с названием чужестранным: советскую республику.

Название длинное, обещания еще длиннее, исполнения—когда рак свистнет..

Слыхал я стороною про их обешания: Квартир, хором светлых в городах много, туда переселять трудящихся будут; да пока переселить комиссаров нужно, чтоб те уж сами могли переселение начать.

А куда?..

Да прежде чем жить хорошо, нужно писак побольше, да дьяков, да писарей, тоб писали, строчили указы, приказы, назидания, требования...

Да канцелярий побольше, чтоб работалось скорее.

А рабочий люд ждет..

Заволновался народ...

Начало правительство кутузки на помосты вновь отстраивать, да виселицы укрепило.

— Не моги, мол, думать иначе, как я, как мы...

— Неладно что-то,—подумал народ; где ж житье хорошее? Где правительство лучшее? И задумался крепко...

Уже чувствовал, но не говорил; уже верил, но не высказывался,—что без власти было-б куда лучше!

Как узнал народ западный, про мятеж земли северной, так винтовки побросал и домой к семьям зашагал. Заревел царь благим матом, но схватили его за руки, за белые, за чуб за кудластый, за усы большущие,—раскачали, в море кинули.

По морям, по долам, за горами, за безднами из конца в конец света распознали люди, что народ северный да люд западный по лучшему жить хотят, и сами подумали:

— А мы чем хуже?

Полетели с голов царских короны золотые, разбивались троны краснодеревые, очищались дворцы высокие. Народ желал свободы, желал жить хорошо да работать свободно...

— Одна беда: наскочили саранчей люди партийные, болтуны—краснобаи; спорят, галдят, рвут народ во все стороны, зовут на все дороги, на пути разные

Опять таки задумался народ.

На что галдят они все? Что хотят они? На что власть навязывают нам?

Задумался рабочий люд, молчит с крепкой думой. Она еще наружу не прорвалась, еще кличом не прозвенела, но уж чувствуется всюду:—без власти лучше!

Росла, крепла дума народная, ширилась, раздувалась, в брожение превращалась:

— На что нам власть?

— Проживем и без власти. Мы работаем, а бездельники—властители да комиссары все забирают, декреты и приказы выпускают. А нам трудовому люду?—и говорить нечего. Им желающим ничего не делать, власть нужна, а мы, что?!

Сошелся народ северный с народом западным, со страной заморекой с городами привольными, со степями пустынными, что власть никому не нужна, что без власти все землю обрабатывать могут, на заводах работать, книги читать, да искусство любить. Решили так люди со всех четырех сторон

Что-ж, порешили и сделали.

Всех властвующих из дворцов да хором взашею с лестниц спустили: пусть тоже работают, тоже не бездельничают..

И начали все жить по иному: без партий, без болтунов—краснобаев, без лгунов и бездельников. Больше работающих стало,—больше и свободнаго времени...

Народы стали жить мирно; не было больше таких, что одних на других натравляли, одних с другими воевать посылали. . . . .

Эту сказку мне дела современные нашептали, темные тучи над нашим горизонтом передали, буйные ветры в вихре грез раскзали.

Янус.

Вести от П. А. Кропоткина.

Слухи о тяжелом состоянии П. Кропоткина не вполнѣ основательны.

Кропоткин отзываясь о деятельности групп „Набат“ замечает, что поддержка профессиональных союзов и развитие в них духа социального творчества,—прекрасная и необходимая работа.

Без сильных своею связью союзов и без их строительства—социальная революция не возможна. Из них шла анархистская и социалистическая работа Первого Интернационала; и, что бы ни ждало нас впереди, только при их содействии может совершится переход от теперешняго строя к социализму.

1-й с'езд конфедерации „Набат“:

2-го апреля начался с'езд конфедерации „Набат“, который происходит здесь в гор. Елисаветграде.

Быстрый рост анархического движения вызвал необходимость с'езда. Задачи с'езда: разсмотрение всех вопросов связанных с текущим моментом, определение плана деятельности анархистских групп и их федераций, перевыборы секретариата, налажение работы конфедерации и подготовка Всероссийского с'езда анархистов „Набат“.

Доклады с мест дают яркую картину роста анархического движения. Ярко отмечается разочарование народных масс во власти и искание путей к безвластному строительству новой жизни.

Репрессии со стороны власти порой заставляют группы и их федерации работать нелегально или полулегально, что сказывается на продуктивность их работы.

Елисаветградская федерация приветствуя с'езд, выражает ему пожелание успешности в работе.

ЖИЗНЬ ФЕДЕРАЦИИ.

1-го Апреля состоялась лекция товарища Карташева на тему: „Задачи профессиональных союзов“ устроенная местной организацией. Несмотря на то, что лекция благодаря некоторым непредвиденным случайным условиям несколько раз отлагалась, все-же зал Дворянского дома был полон. Тов. Карташев, задавшийся в своей лекции целью: выяснение задач профессиональных союзов, проанализировал и указал в достаточной степени неверные взгляды других партий на эти задачи. Тов. Карташев указал, что главенствующей задачей профессиональных союзов должно быть направление пролетарских масс к захвату производства, соединение с ними всех других рабочих организаций. Настроение слушателей было оживленное. Все получили исчерпывающее уяснение, что видно из того, что специальных опонентов не было. Вопросы, которые были задаваемы рабочими иногда не касались темы лекции. На вопросы не касающиеся темы начертанной лектором, по просьбе слушателей тов. Черкесом были даны ответы.

1-й Всероссийский С'езд Анархистской молодежи.

Секретариат Всероссийской Федерации Анархистской Молодежи доводит до сведения, что I Всероссийский С'езд Анархистской Молодежи состоится в Москве 27 апреля с. г.

За всеми справками просят обращаться как в Секретариат (Москва Тверская, Б. Чернышевский, 18 кв. 2), так и в еженедѣльный орган Федерации „Жизнь и Творчество Русской Молодежи“.

Секретариат просит все группы и Федерации Молодежи теперь же начать подготовку к С'езду.

Секретариат.

(Просьба провинциальные газеты перепечатать).

С товарищеским приветом Секретарь Федерации (подпись).

Освобождение товарищей.

25 марта, после месячного заключения, освобождены из Екатеринославской губернской тюрьмы 15 наших товарищей, в том числе и члены секретариата конфедерации, товарищи Иосиф и Лия, арестованные после выхода 12 номера „Набат“.

Товарищи, арестованные благодаря походу на анархистов, начатым бывшим наркомом Авериным, просидели все время в социалистической тюрьме, без пред'явления им какого-бы то ни было обвинения.

Мы приветствуем товарищей, возвращенных в нашу среду, для совместной с нами работы, и клеймим позором тех „революционеров“, которые совершают насилие над неутомимыми, идейными борцами.

Елисаветградская Федерация.

Дом имени Ленина бывш. (Общ. Соб.)

Во вторник, 8 апреля нов. ст. состоится

ЛЕКЦИЯ

тов. ВОЛИНА.

НА ТЕМУ:

ГДЕ-ЖЕ ВЫХОД?

Начало в 6 час. по стар. времени.

Билеты продаются в федерации „Набат“, а в день лекции в касе дома Ленина с 10 час. утра.

Об'явление.

Товарищей, взявших из библиотеки книги, просим не задерживать в виду не достатка в них, и невозможности удовлетворить желающих ознакомится с анархизмом.

Секретариат Федерации.

Товарищи из уѣзда.

Просвещайте деревню!

Желающие получить литературу, благоволять обратиться в бюро Федерации, Дворцовая ул. дом «Набат», (быв. Чечерина) Спросить тов. экспедитора.

Открывается денежный фонд „НАБАТ“!

Задачи фонда—обезпечить дальнейший правильный выход газеты „Набат“, а также ознакомление рабочих с идеей анархизма через посредство листовок, брошюр и т. д.

Подписные листы можно получить у секретаря федерации.

Товарищи, сочувствующие и читатели вносите в фонд „Набат“.

Редактор: Редакционная Коллегия.

Издатель: Елисаветградская Федерация Анархистских групп „Набат“.

Типографія Трудового Кооператива „Просвѣщеніе“